

Опыт составления толкового словаря говора

В настоящей статье идет речь о работе над словарем говора села Синевир Межгорского района Закарпатской области Украины. Эта работа явилась естественным продолжением и следствием многолетних (с 1987 г.) экспедиций в Украинские Карпаты под руководством С. Л. Николаева*.

Первоначально цель экспедиций в украинские Карпаты была довольно узкой — сбор материала для «Акцентологического словаря славянских языков». Однако вскоре стало очевидно, что игнорирование других разделов грамматики и лексикографии было бы непростительным упущением. Поэтому начиная с 1989 г. к специальным акцентологическим программам в разное время были добавлены: фонетическая программа, позволяющая, с одной стороны, надежно выявить реализацию и позиционную дистрибуцию аллофонов фонем и, с другой стороны, выяснить рефлексацию праславянских звуков в современных говорах** ; морфологическая программа, предназначенная для сбора основных парадигм всех грамматических категорий. Помимо этого, попутно собиралась лексика и лексические значения слов — в первую очередь, включенных в указанные выше программы, а также из текстов и кратких лексических списков, организованных по тематическому принципу (названия частей тела, рельеф и т. д.) [см. Николаев, Толстая 2001: 3–4]. В ходе этой работы экспедиция оказалась перед необходимостью выработать стандартную схему экономого описания диалектной системы на всех уровнях, включая основной (базовый) фонд славянской лексики, на которой могут быть показаны главные, типологически значимые диалектные черты, в том числе и акцентологические. Словарь при этом оказывается необходимым звеном грамматического описания, т. е. частью такой грамматики, которая строится на полном корпусе лексики (ср. [Супрун 1984]).

* С 1995 г. исследования карпатских говоров проводились при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 95-06-18702, 96-04-06147, 96-04-18006, 98-04-18006, 01-04-18013, 02-04-18030); в 1994–1995 гг. работа по описанию синевирского говора была поддержана фондом «Культурная инициатива».

** Диалектные материалы, собранные по этой программе, послужили основой дальнейших исследований фонетики карпатоукраинских говоров и частично опубликованы [см. Николаев 1994; 1995; 1995а; 1996].

Первым опытом такого описания говора стал словарь торуньского диалекта, созданный вскоре после работы в селе Тóрунь Межгорского р-на Закарпатской обл. в 1990 г. и опубликованный по техническим причинам лишь в 2001 г. [Николаев, Толстая 2001]. Словарь, включающий около 3500 слов, сопровождается кратким грамматическим очерком с описанием фонетики и фонологии говора, а также классификацией словоизменительных типов имен и глаголов.

Состав лексики, отраженной в словаре торуньского говора, определялся спецификой экспедиционной работы, нацеленной на выяснение основных фонетических и морфологических черт говора, путей его исторического развития и его отношения к другим говорам карпатского ареала.

То, что лексикографической части полевой работы уделялось меньшее внимание, определялось тем, что карпато-украинская лексика в целом неплохо изучена. Специфика проведения экспедиций не позволяла находиться в каждом отдельном говоре более 14 дней. Этим объясняется фрагментарность изучения семантики каждого отдельного слова (особенно это касается многозначных слов). Поэтому Словарь торуньского говора представляет собой, по существу, список слов с грамматическими пометами и переводами и не претендует на статус настоящего словаря говора, но лишь содержит реально зафиксированное значение и грамматическую характеристику каждой лексемы (см. [Николаев, Толстая 2001: 4]).

Вынужденные недостатки и неполнота словаря такого типа, а также неполнота грамматического описания говора, более или менее подробно представляющего лишь фонетическую систему и систему словоизменительных классов имен и глаголов, с одной стороны, и практическое отсутствие подробных систематических описаний отдельных карпатских говоров, с другой, поставили вопрос о создании такого по возможности полного описания и словаря отдельного карпатского говора. В качестве объекта для такого описания был выбран говор с. Синевир, известного еще посещением его П. Г. Богатыревым и М. Гавацци в 20-е годы, где экспедиция работала в первый раз в 1993 г. Синевир — большое село в верховьях р. Тербли с населением не менее 5 тыс. жителей, расположенное в восточной части закарпатских боржавских говоров. Синевирский говор отличается устойчивостью и достаточным единством в разных концах большого села. С 1993 по 2002 г. экспедиция работала в Синевире девять раз.

Сначала работа в Синевире строилась по уже выработанной схеме. Были записаны основные программы — фонетическая, морфологическая, акцен-

тологические списки по разным типам основ, краткие лексические списки, а также образцы текстов. Разные программы предполагали опрос как от формы к значению («есть ли такое слово и что оно значит»), так и от значения к форме («как называется то-то»). Этот материал составил основу словаря. Затем были записаны более подробные лексические программы. В частности, был составлен вопросник по словарю Куцалы [Кусаҫа 1957], а также несколько подробных вопросников по отдельным темам (см. [Бушкевич, Николаев, Толстая 1994]). В этот период стала применяться сплошная запись бесед с информантами на магнитофон. Попутно собирались программы по этнологии (по основным темам, относящимся к традиционной духовной культуре, обрядам и верованиям), записывались тексты. Словник пополнялся при обработке этих материалов. Дальнейшая полевая работа состояла, помимо постоянной записи текстов, в уточнении и проверке имевшихся словарных материалов, а именно, в уточнении значений слов, выяснении парадигм и полных грамматических характеристик для лексем, встретившихся в текстах, выяснении вариативности, проверке противоречивых данных и т.д.

Работе в Синевире очень помогло то обстоятельство, что с самого начала удалось найти нескольких замечательных информантов. В основу работы по описанию синевирского диалекта легло многолетнее сотрудничество с Анной Степановной Цимбота, коренной местной жительницей, у которой были собраны все основные грамматические и лексические программы. Несмотря на относительно молодой возраст (Анна Степановна родилась в 1940 г.), она хорошо помнит и знает традиционный жизненный уклад Синевира, речь и рассказы старшего поколения. Очень ценным для нас было ее вдумчивое отношение и интерес к собственной речи и языку, способность уверенно порождать необходимые грамматические формы слов, объяснять различные оттенки значения, моделировать типичные ситуации и контексты употребления слов и фразеологических сочетаний. В полевой работе каждый собиратель встречается с информантами такого типа, «стихийными лингвистами», дающими надежный и ценный материал; в таких случаях всегда возникает стремление использовать этот источник как можно полнее и разностороннее.

При обработке магнитофонных записей и составлении словаря оказалось, что для большей части лексем мы обладаем более или менее подробными диалектными толкованиями и примерами употребления. При этом полевая работа по проверке и уточнению словарных материалов естественно строилась в основном «от слова к значению», т. е. мы получали от информантов ответы на вопросы о конкретных словах. Совокупность ответов на

такие вопросы практически составляет толковый словарь говора, т. е. корпус лексем, значение и употребление которых описано самими носителями. Разумеется, для полного толкового словаря говора необходимо, чтобы таким образом были охарактеризованы все лексемы, составляющие словник, чего в нашем случае еще нет, поэтому можно говорить лишь о материалах к такому толковому словарю.

В словарной статье, помимо диалектного толкования, приводится грамматическая характеристика слова (словоизменительные классы имен и глаголов) и формы словоизменения; перевод; отсылки, показывающие деривационные связи; в отдельных случаях лексические отсылки и указания на разного рода вариативность.

Круг лексем, к которым получены диалектные толкования, достаточно велик. Понятно, что сравнительно просто получить комментарии к существительным с конкретным значением, особенно терминологическим из сферы материальной культуры или обрядовой терминологии. Например, для слова *c'iwka* информанты приводят три основных значения*: 1) 'часть печной трубы': *C'iwka u nás s'a klíče takóje ščò jak róbit s'a špór ta púšcat s'a dóom pǫpǫt přč, ta ǫxódit u s'in'ox, ta totó klíčut, toťú d'irú, klíče s'a c'iwka.* 'C'iwka u nás называется такое, что когда делается плита, пускается дым над печью и выходят в снях, и это называется, эта дыра называется c'iwka.'; 2) 'деталь ткацкого стана': *kolí tkáti to naviváti nitkó, kladé s'a u čównik, totó c'iwka šo naviváje s'a na n'ú nitkó* 'когда ткут и навивают нитки, они кладутся в челнок, c'iwka — то, на что навиваются нитки'; *A ščé c'iwka klíče s'a takóje ščǫ rǫbl'at iz bzinó, takóje d'irávoje, to takóje zádoŭwoje, dvacc'at'.. santímetriü ci dvacc'at' pját'.* *Ta pr'adé s'a pr'áža domášna, ta naviváti, je pótak takó, izroblénooj iz dóškoo, to takóje kóleso, tám.. zroblénooj yvüst, a na totó s'a jáže taká nítká, to na'íyat s'a c'iwka na tót yvüst, toóm krutíti, toták s'a navivat c'iwka, ta toóm tkáti.* 'А еще c'iwka называется такое, что делают из бузины, такое с дыркой, такой длины, сантиметров двадцать-двадцать пять. И прядется домашняя пряжа, навивают, есть такой рóтак деревянный, такое колесо, там сделан гвоздь, а на это навязывается такая нитка и натягивается

* В приводимых ниже примерах используется система транскрипции, принятая в карпатских экспедициях и в Синевирском словаре. Таблицу обозначений гласных см. [Николаев 1995: 107] или [Дыбо, Замятина, Николаев 1993: 330]. В частности, для неогубленных гласных верхнего и верхне-среднего подъема используются следующие обозначения: *i* — гласный переднего ряда верхнего подъема; *ɪ* — гласный переднего ряда верхне-среднего подъема; *ɨ* — гласный передне-среднего ряда верхнего подъема; *ɔ* — гласный заднего ряда верхне-среднего подъема. О закарпатских фонетических системах, близких к синевирской, см. [Николаев 1996; Николаев, Толстая 2001].

c'iwka на тот гвоздь, этим крутят, так навивается *c'iwka*, и так ткут.' 3) 'бревно': *dévevo odnó takóje dówoyoje, jakóje onó úroslo u xášči, takóje oprčémsanoje u xášči, ne pererúbanoje, totó c'iwka*. '«Дерево» одно такое длинное, как оно выросло в лесу, такое с обрубленными сучьями, не разрубленное, это *c'iwka*.' Такие комментарии являются практически полноценными определениями. В большом числе случаев в таких толкованиях содержатся сведения об устройстве предмета, его использовании и т. п., например: *dekúnok*, gen. *z dekúnku* 'окоп': *Dekúnok totó takóje u zemlí ta zakópujut ta tám móš spr'átati s'a vüt kóyoš*. *Dekúnok róbłat i oxótnikoo, jak lisíc'i vartújut, ta dės' u bereškú sobi zróbit, zakóple s'a, toták opsóople ylínqw, obòd lisíc'a ne vítrila, ontám dės' u ních mėsša, ta vüttoó takóoj voozorčc' malóoj sobi líšit, ta tudó s'a dívít, ta vartúje lisíc'u ubítit. Z dekúnka*. 'Dekunok — это такое в земле выкапывают, и там можно спрятаться от кого-нибудь. Dekunok делают и охотники, когда сторожат лисицу, где-нибудь на склоне себе устроит, закопается, так присыплет землей, чтобы лисица не учуяла, там где-нибудь у них падаль, и оттуда такое окошко маленькое себе оставит и в него смотрит, и сторожит [убить] лисицу. Из *dekunka*.' В некоторых случаях такие толкования представляют собой объемные тексты, касающиеся целого круга лексем, — например, описания технологии лесосплава или порядка проведения традиционной процедуры определения удойности овец перед отгоном их на летние пастбища, именуемой *míra* (см. Приложение; ср. также [Толстая 2001: 485–486], где приведен обширный текст о порче некрещеного младенца, фактически являющийся развернутой дефиницией глагола *royánniti* и полученный в ответ на вопрос об этом глаголе. Еще одну публикацию синевирских текстов см. [Толстая 1999]). Эти тексты ценны сами по себе и, по-видимому, должны даваться в приложении к словарю с отсылкой к ним.

В толкованиях глаголов прямые определения значения встречаются реже; чаще всего для объяснения глаголов, особенно с достаточно абстрактным значением, приводятся примеры их употребления, например, *naylíti na* + асс. 'торопить': *Nó pak ščóž' bis' xót'ila.. nó obím ja vat' skóro robíla, vat' skóro íslá, vat' ščós' skóro kazála, a já bim kazála — ne naylí na n'á, [da] táy yí tepér' ti kážu, ščo «ne wkl'učáj rás», já kážu.. ta kazála bim — «ne naylí na n'á». Vat' «ne naylí na n'óyo», vat' ščós' ták*. 'Ну ты бы хотела что-нибудь от меня, чтобы я или быстро делала, или быстро шла, или быстро отвечала что-нибудь, а я бы ответила — *ne naylí na n'á*, так, как я и теперь тебе говорю, что «не включай пока», и я бы сказала — *ne naylí na n'á*, или «не *naylí na n'óyo*», или как-нибудь так.' Однако имеются и определения: *nadróynuti*

‘продрогнуть’: *Pak totó ták, šo z'z'abstí, liš né, né on' do čítavo z'z'apstí, a liš ták prósto nadróne, ščo wróđ'i i ne z'z'áp, liš [i itf] tepló mi, liš nadróx ták. Ščo ne ɹz'z'ablá-s' ták on'.. šo ne birúješ ití, a liš ták.* ‘Ну это так, что замерзнуть, но не так чтобы сильно замерзнуть, а так просто *nadróne*, что вроде и не замерз, еще и идти ему тепло, только так *nadróx*. Что не замерзла ты так, что не можешь идти, а только так немножко.’ *Muštrovátí* ‘мстить’: *Toó menè šč'óš' nasérdila, a já tebé za sesé ɹomuštrúju, já tobi šč'óš' ssé vüddám. ɹomuštrúju já tebé za sesé. Tot'ó «muštrovátí s'a» — ot já tobi tt'ó vüddám. Aš toó men'i šč'óš' uredá zrobíla, a já tobi ssé vüddám. Ot t'ó u nás sl'óvo «muštrovátí».* ‘Ты меня чем-нибудь рассердила, а я тебе за это *ɹomuštrúju*, я тебе как-нибудь отомщу. *ɹomuštrúju* я тебе за это. Это *muštrovátí s'a* — вот я тебе за это отомщу. Если ты мне причинила какой-то вред, а я тебе отомщу за это. Вот это у нас слово *muštrovátí*.’

Комментарии получены и для некоторых служебных лексем, например, союзов; они обычно определяются через синонимию: *abo* ‘или’ (в одном из значений): «*abo*» — *dl'a zvjázkoo slúw, prósto meži slovami ono s'ák káže. Abo, wát.* *Čórnoje wađ bíloje. Abo to abo to.* ‘*Abo* — для связи слов, просто между словами оно так говорится. *Abo, wat*’. Черное *wad* белое. *Abo to abo to.*; *ani* ‘ни’: *Zayubíli s'a jáyn'ata, ani jedno ne najšlí = i jedno ne najšlí.* ‘Потерялись ягнята, *ani jedno* не нашли = *i jedno* не нашли.’

В комментариях информантов встречаются и указания на стилистические различия слов: *kɔstrubátooj* ‘лохматый, косматый’ (*maj serdíto*), = *pelexátooj* (*maj n'éžno*); *péknuŕi* ‘врезать, ударить’: *Jak t'a pékni záras, ta ɹúknesh!* (*maj n'éžno* — «*udár'u*»). Тем же словом *n'éžno* часто характеризуется уменьшительность: *d'idik* dim. к *d'ido*: *Pag «d'ido».* *No napríklat müj n'an'o — móji d'ítí kazáli šo «d'ido».* *Nò a kolí ták n'éžno, ta «d'idik».* ‘Ну *d'ido*. Например, мой папа — мои дети говорили *d'ido*. Ну а когда так «нежно», то *d'idik*.’; *leyén'koj* dim. к *léxkoj*: *dúže-dúže léxkoje — leyén'koje; s'ino takóje leyén'koje, fájno úsxlo* (*užé n'éžno maj kážut*). ‘Очень-очень легкое — *leyén'koje*; сено такое *leyén'koje*, хорошо высохло (уже «более нежно» говорят).’; в том числе и чисто семантическая уменьшительность, ср. о выражении *na mnútku*: «*A ní, [ɹój už id men'i] málo na mnútku».* *Bɔ toó bis' ne xó't'ila nadówo, a s'ág bim kazála «na mnútku», ta znála bis', šo totó bdé nemóyo. Kolí s'ak n'éžno, «na mnútku».* ‘«Зайди-ка ко мне *na mnútku*». Ты бы не хотела надолго, а я бы сказала «*na mnútku*», и ты бы знала, что это будет недолго. Когда так «нежно», «*na mnútku*».’

Ценными являются указания на «историческую употребительность» лексики — в комментариях выделяются новые для диалекта слова, моло-

дежная лексика, и старые слова, ныне не употребляющиеся или употребляющиеся лишь у старшего поколения, что связано как с изменением репаллий, так и с внешним языковым влиянием. Ср.:

Totó polová kráska, kážut. Polová fárba. Totó wžé.. totó.. sé wróđ'i l'iteratúrnoje vat' ják, já ne znáju. Těpěr' totó mōłd'óš káže, pák a dawnó.. dawnó kazálı fárba do mósta. Pag «dawnó kazálı», pak totó užé jak fárba boóla, a dawnó bidá víđ'ila fárbu do mósta, taj mostóo ne mostíli u náz dawnó níгда šúya. NI mōstú dawnó máj iščé ne boólo, líž zımf'á. 'Это polová kráska, говорят. Polová fárba. Это уже.. вроде литературное или как, я не знаю. Теперь это молодежь говорит, а раньше говорили fárba do mósta. Ну как «давно говорили», это уже когда была краска, а раньше «беда видела половую краску», и полов не настилали у нас раньше никогда. Полов раньше вообще не было, одна земля.'

Dawnó kazálı koncolárn'a. Pak totó ták ɣi tějěr' na sɨf'ráđ'i. 'Раньше говорили концоларня, это так, как теперь в сельсовете.'

Polıváčka. Jé, jé takóje tějěr'koo, dawnó tóyo ne boólo, a tějěr'koo jé takóje ščo ɣr'atkoo nım polıvájut, vat' kōsíc'i, takóje. Polıváčka, totó jé. Kážut. [pl.] Polıváčkoo, jak níx mńóyo. 'Есть, есть такое теперь, раньше этого не было, а теперь есть такое, что из него поливают огород, или цветы, такое. Polıváčka, есть такое. Говорят.'

Tějěr' kážut míteř melajú, a dawnó kazálı kobél. Míteř.. centnér pō rús'koo, ájno, centnér, a u nás kážut míteř, a dawnó kazálı kobél. 'Теперь говорят míteř кукурузы, а раньше говорили kobél. Míteř... центнер по-русски, да, центнер, а у нас говорят míteř, а раньше говорили kobél.'

Tò ne kážut ták «đ'íška», a.. s'ak'ě šče ɣi já móžut kazátı, a užé molod'óš, tak'ě ɣi toó, ne káže. 'Так не говорят «đ'íška», а.. такие еще как я могут сказать, а молодежь уже, как ты, не говорит.'

Могут отмечаться и фонетические различия между поколениями в употреблении отдельных слов: *Starı kážut «magazın», «pō magazınax», a mōłd'ı kážut «magazınoo».*

Отдельно отмечаются слова, известные информанту, но не употребляющиеся в говоре — например, литературные: «*Pr'isnoój*» *n'é, lıš totó ɣé w škól'i lıš čúti lıš, šo pr'ıs'n'i vódoo jé, taj solén'i vódoo. A.. takóje za domášnoje ne kážut níč. 'Pr'isnoój — нет, это только в школе вон слышно, что бывают пресные воды и соленые воды. А такое в быту ничего не говорят.'*; инодиалектные: «*Iskátı*» *totó kážut uw ontoóx sélah, ú (sic) Věr'xóvin'i. To za Mıžy'ır'a tudó. A u nás kážut «ɣl'ádatı». '«Iskátı» это говорят в тех селах, в Верховине. Это там, за Межгорьем. А у нас говорят «ɣl'ádatı».'* Хотя они не

принадлежат диалекту, по-видимому, стоило бы собрать такие «отрицательные» свидетельства отдельно.

Диалектный словарь такого типа, как создаваемый синевирский, толковый словарь говора, разумеется, имеет большое значение для изучения такой малоисследованной материи, как языковая рефлексия носителей диалекта (ср. недавно вышедшую монографию на эту тему: [Ростова 2000]*). Однако такое исследование мы не ставили своей целью, видя главную свою задачу в максимально точном и полном описании отдельного говора с. Синевир. С этой точки зрения такое построение словаря с подробными комментариями носителей говора оказалось полезно, во-первых, как форма представления материала, который с трудом поддается системному описанию (сведения об употреблении слов, сочетаемости, типичных контекстах, а также во многом синтаксическая информация); во-вторых, наличие в словарной статье, помимо перевода, аутентичного диалектного объяснения значения слова существенно повышает надежность словарной информации.

Как правило, в диалектных словарях информацию о конкретной лексеме можно извлечь, во-первых, из толкования и комментариев составителей (перевод, грамматические пометы), во-вторых — из приводимых примеров; при этом в первом случае пользователю словаря придется целиком полагаться на компетенцию составителей, во втором — также отчасти доверяться им, рассчитывая, что пример отражает характерное употребление слова. Между тем известно, что дефиниции, предлагаемые составителями, могут быть ненадежны и иногда даже вступать в противоречие с примерами употребления слова**. В таких «счастливых» слу-

* Я благодарю Е. Л. Березович, познакомившую меня с этой работой.

** Самый частый недостаток в таких случаях — разного рода контекстное толкование. Ср., например, явно сомнительное значение в [СРНГ 35: 349]: «Рязák, м. Человек, который крестит детей. *Один рязак у них и в селе всех обслуживает, крестит*» (пример указан А. А. Зализняком). Часто неверно определяется объем значения: ср. в «Словаре пермских говоров» толкования к ГНИЛУШКА: «1. Ветхое, старое строение. *Дети зовут, зовут, а мне неохота ехать из своей гнилушки. <...>* 2. Полусгнившие овощи. *После войны мы гнилушки собирали, есть-то было нечего. <...>* 3. Дерево с подгнившей древесиной. *На болоте не берем лес, одни гнилушки стоят тамо*» [СПГ I: 166] — единому значению 'нечто гнилое' приписываются разные контекстные компоненты; противоположный случай — слишком общее толкование: «НЕВЫДЕЛАННЫЙ. Неделанный. *Дом-от у их ишо невыделанный стоит. <...> Напротив стоял невыделанный, нежилой дом, дак в ём и гадали*» [СПГ I: 584] — здесь, наоборот, «дом» скорее всего является существенным компонентом значения (ср. синевирск. *kíta-II хо́џи* 'делать внутреннюю отделку в новом доме').

чаях ярче всего проявляется «верифицирующая» роль приводимых диалектных контекстов. Очевидно, что чем полнее контекстный материал в словарной статье, тем большую возможность имеют читатели контролировать адекватность дефиниции, данной составителями, и точнее представление о семантике и сочетаемости толкуемого слова.

Ср. характерный пример: в «Словаре говоров центральных районов Белоруссии» к слову *мятлік* дается толкование 'подарунок' и приводится контекст: *Цалавала, цалавала мяне ўнучка, дужа ш упанаравіла іна мятлік, што прыйшла на хрэсьбіны. А я ш за мятлік гэты зашмат грошы аддала* [СГЦРБ 1: 235]. Это толкование сразу вызывает подозрение (даже если не принимать во внимание известное др.-рус. *матьль* 'плащ', 'верхняя одежда', старое заимствование из латыни через германское посредство [Срезн. II: 259–260; Янин, Зализняк 1994]); и действительно, в Туровском словаре находим: «М'ЯТЛІК м. Сарочка, якую аздывалі дзіцяці першы раз пасля хрышчэння. *Першого наздывалі м'ятліка. Это кумін м'ятлік, тры метры этого м'ятліка, щоб только на дзіця пошылі рубашэчку*» [ТС 3: 105]. Толкование Туровского словаря, как можно видеть, в свою очередь дефектно: из контекста очевидно, что *мятлік* — это по крайней мере не только 'крестильная сорочка', но и 'род ткани' (по устному сообщению С. Л. Николаева, это последнее значение известно ему и из западных среднерусских говоров).

С прискорбием отметим, что поиск таких примеров не составляет никакого труда.

В этом смысле толкования и комментарии к употреблению слов, данные самими носителями, как нам кажется, могут служить третьим существенным компонентом словарного представления лексемы. Давая толкование, носитель исходит из своей языковой компетенции, уровень которой не может быть достигнут никаким самым внимательным и подробным внешним изучением диалекта*; примеры, приводимые информантом, представляют действительно наиболее типичные и характерные ситуации употребления слова. Разумеется, полнота характеристики слова информантом зависит как от его вдумчивости и способности к языковой рефлексии, так и от добросовестности и квалификации собирате-

* Ср.: «Сколь бы хорошо ни понимал свой предмет исследователь народных традиций — этнограф, фольклорист или диалектолог, он практически всегда является посторонним по отношению к изучаемой культуре. Нас не должны вводить в заблуждение различные приемы «погружения» в нее и методы «включенного наблюдения» — глубина такого «погружения» имеет свои пределы, а ресурсы «наблюдения» ограничены. Субъект наблюдения не может полностью отождествиться с объектом — ни психологически, ни операционалистически; исследователь останется городским человеком, представителем своей социальной среды, со своими целями и знаниями, от которых он не в состоянии отказаться» [ЖС 2002/3: 30].

ля, который должен максимально подробно и четко выяснить всю «словарную» информацию, не оставив сомнений и неясностей; но в любом случае эта информация остается адекватной, застрахованной от ложных толкований и искусственных примеров.

Весьма ценной представляется обширная этнографическая и «этносоциальная» информация, сопутствующая диалектному толкованию лексики (описание предметов материальной культуры, их устройства и применения, традиционных промыслов и занятий, быта и отношений и т. д.). В этом смысле создаваемый Синеви́рский словарь может быть сопоставлен с такими (к сожалению, редкими) материалами, как опыты «самоописания» народной культуры и составления диалектных словарей самими носителями (ср. недавнюю подборку материалов на эту тему в журнале «Живая старина» [ЖС 2002/3]; там же [Минаева 2002] о «народном этнодиалектном словаре» архангельских поморов В. М. Родионова*).

Как показывает опыт, обращение к метаязыковому сознанию носителей существенно помогает верифицировать наблюдения и выводы не только на лексическом и семантическом уровне. Работая со вдумчивым и чутким информантом, каким является А. С. Цимбота, мы многое прояснили для себя в системном плане и в области фонологии и фонетики (отождествление/различение звуков в разных фонетических позициях, особенно в позициях «просодической аккомодации») и даже некоторых элементов синтаксиса (ср. слитное/раздельное написание информантом энклитик и служебных слов). Однако эти стороны диалектного описания не входят в предмет настоящей статьи и могут быть темой отдельной работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ**

О лесосплаве

U náz dawnó darábco vozíli, bə j müj n'án'o vozíw. N'án'o vozíw darábco ta ɔts'ák ják.. Ta totó na ɔzır'i yatíli vódu, ta puščájut vódu, ta u flúder darábco idút, a dēs' na r'ic'i tráfit s'a šə šós' daráp püjšów nedóbre šós', [ɪzvıf'álo], ci vodá malá bóbla, ci velíka, ci šós' ne.. ne próbtrovalı l'úde, to zróbıt s'a

* Ср. редакционный комментарий к публикации о словаре В. М. Родионова: «Любитель-диалектолог исправляет неточности и упущения лингвистов, неадекватно, по его мнению, описавших язык архангельских поморов, и в результате создает грандиозный по своему воплощению лексикографический труд» [ЖС 2002/3: 30].

** В приводимых ниже текстах две точки (..) означают «естественную» паузу в речи; диалектный текст в квадратных скобках — не вполне ясные отрезки речи; в квадратные скобки заключены пояснения к тексту.

peréyoroda. A tám príjde daráb drúyooj, bo šcé ne dáti znáti na ózero, obóo ne pustíli drúyooj, bə ne ustíyli. Ta totó stoját na várt'i qntám ta qntám na krivúľax, ta déržit táblu. Odén vartáž, drúyooj vartáš, toták stoját, šo tót toyó víditi. Toták stoját, taj čím šqs' na r'ic'i víďat ne totó, táblu bál'at dql'ú. Čím tót uvíďiw drúyooj, šo tábla dql'ú, tót svóju bál'at, ta ták doxódit do ózera oboo búľš ne puščáti. A šcé ne ustíyli dáti znáti, šo peréyoroda, — to tɪpér' telefón, a maj dawnó telefónü ne boólo ták. Taj prijšq̄w drúyooj daráp, ta u tóyo udárɪw, tót s'a užé pqlupáw, ta wžé w seľ'i náras víďat žónoo, šo jój, kážut, Bóže, Bóže, peréyoroda, bo c'iwkóo ploónút, pə vqd'í.

Перевод: У нас раньше плоты гоняли, и мой папа гонял. Папа гонял плоты, и так когда.. Это на озере делали плотину, и пускали воду, и через шлюз плоты идут, а где-нибудь на реке случится, что плот пошел как-то не так, вильнул, или была мель, или сильное течение, или как-то не.. не справились люди, и делается затор. А там придет следующий плот, потому что еще не дали знать на озеро, чтобы не пускали следующий, потому что не успели. И для этого стоят на дежурстве там и там на поворотах, и держат «таблу». Один дежурный, другой дежурный, так стоят, что один другого видит. Так стоят, и как только что-то на реке видят не то, «таблу» опускают вниз. Как только тот увидит другой, что «табла» вниз, тот свою опускает, и так доходит до озера, чтобы больше не пускали. А еще не успели дать знать, что затор, — это теперь телефон, а раньше телефонов так не было. И пришел другой плот, и в тот ударил, тот уже порушился, и уже в селе сразу видят бабы, что «ой, говорят, Боже, Боже, затор», потому что бревна плывут по воде.

Отгон овец

Wsé tág boólo [что овец собирали на летние пастбища], lž dawnó boólo.. tɛpér'koo kážut "míra", abo totó lž s'ák formáľno, míra lž káže s'a "míra", a néji néjé. A dawnó vü'c'i na vés'n'i zberájut, kážut, budé.. závtra búde míra, napríklat. Nó ta zberájut vü'c'i, ta.. závtra búde míra, noón'i rdút l'úde u kóyo vü'c'i sút, ta rqbľat košáru. Izrqbľat košáru, z.. tám ženút vü'c'i, tám vü'c'i spl'át us'í, tám vü'c'i spl'át, tkó xóče u polonímú ɣnátı. Ráno ustánut, vüčar'í užé, tkó idé vüčarıtı, ženút vü'c'i pástı, do dės'at' čas'ü cı dɔ küľko vü'c'i pasút, u dės'at' prıɣan'ájut, dók s'a napanújut dojıtı, tó wže odennáccet' časü. Toydoo jé u néji.. dvı vü'c'ı, cı trı.. u vás, u néji, káždaja svóji vü'c'ı dojıtı, [vün..] xoz'ármoo totóo xqď'at poprı.. struŋgoo totóo ta dıwľat, oboo ne.. sqbí ne usóopalı vodoo, to mír'alı. Mír'alı na míru, mír'alı. Tvója vü'á dála móže lž dvı gelétoo, tqbí búde lž dvı gelétoo, mója dála pját', men'ı búde pját'; váša dála móže ı vü's'üm, budé vam vü's'üm za qdnú. Mír'alı. Nó, pak ta.. Nó, a dále užé jak pómír'alı vü'c'ı, pə.. pəpójılı, parováli šqs' jıstı, pag dawnó šcío

parovátI. To tepér' ščós' máj.. i naučílIs'a maj módno, i ščós' máj jé, pag dawnó i na obójs'c'u i bán'koo skl'an'anóji ne boólo, nič ne boólo ščós' takóje naporovátI. Ta naporújut i jajéšnic'u, ta déz' γólupc'i jak'tji zvar'át, ta r'ípoo, ta šós' takóje, ta nesút, totám.. Já z vámi dóbra, ta ščé tkós', ta móo [s'c'íloo?] u γorodók, u ták.. nó.. u vorošók kazáI dawnó, ontotám drúy'i sobí, ontám drúy'i, toták mooglínámi pōs'idájut ta jid'át, u kóyo ščó jé ta jis'c'.. jid'át sobí, móže tkós' sobí xóče I.. áš u n'óyo boólo dēs'.. dé²c'a dawnó kazáI, málo vótkoo [dēs' lɪnútI], bo dawnó pustíI na jazóok ta i dósta boólo. Nó ta tkós' móže i úpíw, nó ta jak užé ws'í s'a najíI, wže totó ws'ó fájno, toydóo idút vüc'i puščátI. Jak úpus'c'at vüc'i s košároo na míru, to zakrú'ut ními ták kolo košároo, ták.. püdüť γI.. γI u kruyowú, to toydóo tám odén pɪpárovánooj, boóla púška i dawnó, ta kolí vüc'i tág γI.. oní xóť'at dōmü t'ikátI, d jáyn'atüm us'í sobí xóť'at t'ikátI. Ta kolí ták vüc'i újdut is košároo, toták ními γI.. γI u krúx málo püdüť iz vüc'ámi, stánut l'úde dōwkola ta γI u krúx, ta toydóo str'ílIt odén. Ta jak str'ílIt, ta totó s'a ws'ó ponapúžat, vüc'i, ta ws'í s'a pōmišájut, ta jakós' oní zabudút i za jáyn'ata i oní wže jedná.. Užé u méne móže boóI dví, oní užé dēs' skóčIla jedná tudóo, drúya tudóo, oní s'a užé ne poznájút. U tébe boólo trí, u n'óyo boólo pját', oní s'a užé pōmišáI, wže oní büľ's dōmü ne pɪxóť'at. I tág berút jIx dále drúyij dēn' idút iz ními na polonínü.

Nó a na polonínü jak újdut, tám užé kolfba zrobléna, uküľ zarúbanooj, bo na pōlonín'í košároo u nás njé, Iš uküľ zarúbanooj, dé s'a dójat. Pēršooj vatáx idé — kážut ođújnik. KazáI ođújnik. A ođújnik totó boow tót u kóyo boólo máj mnóyo gelét. Kótrooj boow máj boyátsooj.. užé né za vüc'ámi, áj za gelétami, bo oýéc' móylo boóti mnóyo, a daváI málo moloká, a u kóyos' móylo boóti maj málo, a dōbr'i vüc'i, [do]z'íran'i, daváI maj mnóyo moloká. Nò totót idé pēršij vatážItI. A dále tag dále, tag dále. A tkós' idé i málo, dēs' upróstI s'a, šo men'í tepér' štoomúje, dále ne búde mì štoomovátI, naj idú tepér'.

Перевод: Всегда так было [что овец собирали на летние пастбища], только раньше было.. теперь говорят “míra”, но это только так формально, míra только говорится “míra”, а ее нет. А раньше овец весной собирают, говорят, будет.. завтра будет míra, например. Ну, и собирают овец, и.. завтра будет míra, сегодня идут люди, у кого есть овцы, и делают košáru [открытый загон]. Сделают кошару, туда гонят овец, там овцы ночуют все, там овцы ночуют, кто хочет гнать в полонину. Утром встают, vüčar'í [чабаны] уже, кто идет vüčáritI [пасти овец на горных пастбищах], гонят овец на пастбище, до десяти часов или до сколько пасут, в десять пригоняют, пока пригоятся к дойке, это уже одиннадцать часов. Тогда есть у нее.. две овцы, или три.. у вас, у нее, каждая своих овец доит, хозяйва те ходят около.. strungóo [проход в кошару] и смотрят, чтобы не.. влили себе воды, и меряли. Меряли na míru, меряли. Твоя овца дала, может, только

две *gelétoo* [подойника], тебе будет только две *gelétoo*, моя дала пять, мне будет пять; ваша дала может и восемь, будет вам восемь за одну. Меряли. Ну а дальше.. Ну а дальше уже как померяли овец, поели, приготовили что-нибудь есть — ну давно что готовили. Это теперь что-то больше.. научились помоднее, и кое-что есть, а давно в хозяйстве и банки стеклянной не было, ничего не было чего-нибудь такое приготовить. И приготовят и яичницу, и там голубцы такие сварят, и картошки, и чего-нибудь такого, и несут, там.. Я с вами дружу, и еще кто-нибудь, и мы сели в кружок, так.. и *vorosók* говорили раньше, там другие себе [сидят], а там другие, так кучками рассядутся и едят, у кого что есть и едят себе, может, кто-нибудь себе хочет и.. если у него было там *déč'a* [четвертинка] раньше говорили, немного водки так лизнуть, потому что давно [так —] капнули на язык и было достаточно. Ну и кто-то может и выпил, ну и когда уже все наелись, всё уже хорошо, тогда идут пускать овец. Как выпустят овец из кошары на *míru*, то так их [кругом поведут] вокруг кошары, так пойдут как.. как по кругу, и тогда там один наготове, было ружье и раньше, и когда овцы так.. они хотят бежать домой, к ягням [своим] все хотят бежать. И когда так овцы выйдут из кошары, так их.. как по кругу немножко поведут овец, встанут люди вокруг как бы в круг, и тогда один стреляет. И когда выстрелит, они все перепугаются, овцы, и все смешаются, и как-то они забудут про ягнят, и они уже одна.. Уже у меня может были две, они уже куда-то отскочила одна туда, другая туда, они уже себя не помнят. У тебя было три, у него было пять, они уже перемешались, уже они больше домой не идут. И так берут их дальше на другой день идут с ними на полонину.

Ну а на полонину как выйдут, там уже сделана *kolíba* [пастушеский шалаш], срублен *ukúl* [временная загородка], потому что на полонине кошары у нас нет, только *ukúl* срублен, где доят. Первый *vátax* [пастушеский чин] идет — называют *odújnik*. Называли *odújnik*. А *odújnik* это был тот, у кого было больше всего «гелет». Который был самый богатый.. уже не овцами, а на «гелетами», потому что овец могло быть много, а давали мало молока, а у кого-то могло быть меньше, а хорошие овцы, ухоженные, давали больше молока. Ну и тот идет первый *vátážití* [делать сыр]. И так далее, и так далее. А кто-то идет и [не в очередь], как-нибудь попросится, что “мне теперь удобно, а потом мне будет неудобно, пусть я пойду сейчас”.

Записано автором от А.С.Цимбота в 1996–2001 г.

Литература

- Бушкевич, Николаев, Толстая 1994 — С.П.Бушкевич, С.Л.Николаев, С.М.Толстая. Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // Славяноведение. 1994, № 3.
 Дыбо, Замятина, Николаев 1993 — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993.
 Николаев 1994 — С.Л.Николаев. Новые данные о вокализме украинских говоров // Проблеми сучасної ареалогії. Тезиси конференції. Киев, 1994.

- Николаев 1995 — *С.Л. Николаев*. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал // *Славяноведение*, 1995, № 3.
- Николаев 1995а — *С.Л. Николаев*. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал (продолжение) // *Славяноведение*, 1995, № 5.
- Николаев 1996 — *С.Л. Николаев*. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал // *Славяноведение*, 1996, № 1.
- Николаев, Толстая 2001 — *С.Л. Николаев, М.Н. Толстая*. Словарь карпатоукраинского то-руньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- Ростова 2000 — *А.Н. Ростова*. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.
- СГЦРБ 1 — Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі. Т. 1. Мінск, 1990.
- СПГ I — Словарь пермских говоров. Пермь, 2000.
- Срезн. — *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.–Л., 1965–.
- Супрун 1984 — *А.Е. Супрун*. О лексической компетенции грамматического правила // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 38–41.
- Толстая 1999 — *М.Н. Толстая*. Несколько текстов из села Синевир // *Славянские этюды*. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 477–490.
- Толстая 2001 — *М.Н. Толстая*. Из материалов карпатских экспедиций // *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*. М., 2001. С. 477–495.
- ТС 3 — Тураўскі слоўнік. Т. 3. Мінск, 1984.
- Янин, Зализняк 1994 — *В.Л. Янин, А.А. Зализняк*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // *Вопросы языкознания*, 1994, № 3. С. 3–22.
- Kucata 1957 — *M. Kucata*. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Summary

An attempt to create a dialect defining dictionary

The article concerns the work on a dictionary of a Carpathian Ukrainian dialect of the village Sinevir based on materials gathered in a series of expeditions of the Group of Slavic glottogenesis of the Institute of Slavic Studies, headed by S. L. Nikolaev. The main feature of our dictionary project is an intensive attraction of dialect definitions of word semantics given by the informants themselves. Such a defining dictionary has a great value for studying the metalingual conscience. But the main scope of the dictionary is as much as possible exact and complete description of the dialect. The attraction of detailed dialect comments permits to reveal data hardly yielded to be systematically described (words usage and combinations, their typical contexts, often syntax information). Furthermore, the presence in the dictionary units of authentic dialect word meaning definitions (besides the standard Russian translations) raises essentially the verification of the dictionary content.